

Илья Бояшов. Морос, или Путешествие к озеру: роман. СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина». 2021. — 270 с.

Красивый приключенческий роман, почти документальный. Его главный герой — личность реальная. Участник Первой мировой войны и войны Гражданской, бывший врангелевский генерал Иван Тимофеевич Беляев (1875–1957) покинул родину вместе с остатками Добровольческой армии, далее Галлиполи, Болгария, Аргентина. После Аргентины, где русские старожилы не приняли оборванных, прокопченных пожарами войны соотечественников, — Парагвай (1924). В Парагвае он, высококлассный специалист-артиллерист, становится главным военным советником Министерства обороны, а еще — этнографом, геодезистом, географом, исследователем неизведанных земель, покровителем и другом народа гуарани, давшего ему имя Алебук (Сильная Рука). Благодаря Беляеву индейцы сельвы симпатизировали Асунсьону. Удивительным образом сбылась детская мечта: на дедовом чердаке в имении под Петербургом семилетний мальчик, зачитывающийся книгами Майна Рида и Фенимора Купера, нашел в сундуке карту Парагвая и влюбился в далекую страну. «Каждую ночь я горячо молился о моих любимых индейцах», — позднее вспоминал он. По просьбе властей Беляев организовал несколько экспедиций в приграничную область Парагвая, где тот соседствовал с Аргентиной, Бразилией и Боливией, в то время — белое пятно на всех картах мира. В свою очередь власти помогли ему в обустройстве русской общины в Республике Парагвай: к обоюдному интересу в страну были приглашены русские специалисты, военные и путейцы. Сюжетом книги стал один эпизод из богатой на события жизни И. Беляева. В 1931 году в преддверии неминуемой войны между агрессивной Боливией и Парагваем министр обороны Парагвая предлагает И. Беляеву совершить секретную экспедицию в дебри сельвы, куда еще не удавалось добраться ни боливийцам, ни парагвайцам, — к неведомому озеру Питиантута, огромному, стратегически важному для противоборствующих сторон резервуару пресной воды в самом сердце земли Чако. Этот последний (13-й) поход Беляева в неизведанные земли, длившийся шесть месяцев, стал для исследователя самым трудным. Даже коренные индейцы, гуарани, обходили стороной территорию, где обитали каннибалы, неуловимые и невидимые таинственные «морос», по слухам снимающие кожу с живых пленников. Беляев и его спутники познали все ужасы сельвы: нападение ягуаров и гигантских термитов, ядовитых змей и бесчисленной мошкары. Они прокладывали себе дорогу в болотах и прорубали проход в зарослях, боролись с голодом и болезнями. И все это под неусыпным наблюдением прячущихся в ветвях аборигенов, чья лояльность покупалась разложенными рядом с биваком бусами и зеркалами. Достигнув озера, исследователи с помощью самодельного катамарана обследовали берега, составили топографическую карту, сделали замеры глубин. Покинуть лагерь они не могли, пока каннибалы не подадут знак, что насытились приношениями. В экспедиции Беляева сопровождали донской казак Василий Серебряков и сын русского полярника Александр фон Экштейн, оба белоэмигранты-офицеры, реальные лица, а также довольно скоро покинувшие экспедицию три парагвайца-проводника. Зато к походу присоединились друзья Беляева, индейцы чимакоки, среди них и юная девушка (а значит, будет и целомудренный любовный сюжет). К экспедиции примкнул и таинственный англичанин, мистер Фриман, фигура вымышленная. Строго выверена композиция: из Боливии к озеру движется другая экспедиция, состоящая из опытных наемников. Кто придет первым? Политические интриги параллельно плетутся и в Парагвае, и в Боливии, в обеих странах активно ведется подготовка к войне, боливийцам с арийской страстностью помогают немцы, Парагвай опирается на русских эмигрантов-белогвардейцев. За спинами по-

литиков (все реальные политические и военные деятели, справки о них даны в сносках) иногда вопреки их желанию стоят крупные нефтяные компании, американские за боливийцами, английские за парагвайцами, свою «рыбку» с прицелом на блестящее будущее Германии рассчитывают выловить и немцы. В Боливии немцы и США играют друг против друга. В беседах политиков обсуждаются текущая политическая ситуация в мире, итоги Первой мировой войны, рождение нацизма в Германии. О немцах и русских размышляет Беляев, документальным экскурсом в Гражданскую войну оборачивается краткий рассказ о судьбах Серебрякова и Экштейна. В дебрях сельвы между монархистом Серебряковым и либералом Экштейном не прекращаются споры о демократии и формах правления, их неуместные в условиях похода столкновения беспокоят Беляева. Объемен портрет Ивана Беляева, ученого и человека, мечтающего собрать рассеянных по земле соотечественников и обустроить в Парагвае русскую колонию, «русский ковчег». «На этих берегах можно сеять пшеницу... Именно здесь соберем мы лучших сынов Отечества, вспашем землю, построим дома, пустим железные дороги. Будем ждать — десять лет, двадцать, тридцать... и обязательнождемся, живые и мертвые, того самого дня, когда там, на севере, за горами, за лесами, зазвучит русский колокол, призывая нас к себе. Вы даже не представляете, голубчик, какой прекрасной, какой счастливой будет наша родина...» Он верит в будущее: «Возвращение неотвратимо. Россия все перемолола — иго, поляков, чуму с холерой. И комиссаров перемелет, будьте уверены, мой дорогой. Не надо их свергать, как к тому призывают засевшие в Париже мои хорошие знакомые. Большевики сами себя свергнут! Вот здесь-то и пригодится ковчег. России нужна аристократия — не прежняя, со всеми великими князьями, а инженерная, научная, военная. Нужна аристократия духа!» На берегу озера Питиангута, открытого экспедицией Ивана Беляева в 1931 году, были построены несколько глинобитных хижин, где разместился военный гарнизон. Составив карту области Чако-Бореаль, русские документально закрепляют за Парагваем «спорные земли». Уже в постскриптуме к книге: непосредственное участие Беляева в войне Парагвая против Боливии (1932–1935), вопреки всем прогнозам закончившейся победой более отсталого Парагвая. По завещанию генерала Беляева его тело передали совету старейшин гуарани для погребения на территории индейских поселений в специально устроенном по такому случаю саркофаге. Хоронили Ивана Беляева с воинскими почестями как генерала, почетного гражданина Парагвая и почетного администратора индейских колоний.

Валерий Байдин. Толкование на русские народные сказки. Заветы древней мудрости. СПб.: Алетейя, 2021. — 234 с.

Знакомые сказки, знакомые образы как загадки с многослойным смыслом, ответы на которые, основываясь на многолетнем изучении старинных поверий и обрядов, устной словесности и народной религиозности, предлагает культуролог Валерий Байдин. Для него в древних народных сказаниях нет случайных и лишних слов. Кощей Бессмертный, Царевна-лягушка, Финист-ясный сокол... «Сказка о Василисе золотой косе, неприкрытой красе, и об Иване-Горохе», хранящая яркие образы древнерусского мироздания. «Снегурочка» как вольное изложение полузабытого праславянского масляничного обряда, полного красоты и глубокого символизма. Древнейшие по происхождению сказки-обереги, что защищали от мести почитаемого медведя («Медведь»), холода («Морозко»), нечистой воды («Сестрица Аленушка и братец Иванушка»). В образе главного действующего лица сказок Ивана отражаются и доисторические верования народа, и его христианская вера. Иван то могучий посредник между миром людей и домашних животных, то изгой Иван-дурак, скрывающийся в юродстве праотеческую или гонимую старообрядческую веру, а то богатырь, отмеченный знатным рождением (Иван-царевич). Глубоко символичен образ трех сыновей, отпавляющихся на под-

виги и поиск судьбы, где старший наследует от отца силу (и богатство), средний — ум, а младший — любящее сердце и крепкую веру. Но в столкновении со злом (Змея, Кощей, ведьма) сила без ума и доброты терпит поражение, бессердечный ум превращается в бессильную хитрость, и лишь дар любви, неотделимой от веры, позволяет богатырю достичь цели. В поединке со злом истинный богатырь побеждает еще и потому, что получает помощь от людей и всех живых существ, которым помог, за него вступаются и предки-покровители, и небо, и родная земля. «Сильна хитрость ума, а добро сильнее хитрости, добро и тварь помнит» («Иван Бесталанный и Елена Премудрая»). Нравственные основы, заложенные в глубокой древности, удивительным образом сохраняют влияние на частную, общественную жизнь русского народа и сегодня. И не дурак, и не лентяй Емеля в трактовке В. Байдина. По мнению автора, в сказке-притче сохранились отголоски древних верований в помощь предков-щуров (откуда позднейшее «пращур»). Среди таких предков была и щука. Емеле ведома молитва к предкам, переименованная в слова «по щучьему веленью, по моему хотенью». Так дурак ли Емеля, сохраняющий древнюю праотеческую веру, живущий на «печи», при домашнем хранителе «огня-попечителя», поддерживая его пламя и проповедуя свою веру, совершая чудеса, невозможные для других? Всего В. Байдин разбирает 28 сказок, выделяя наиболее древние, народные, где сохранились следы почитания медведя, матери рода, душ предков-покровителей, *дивного* «небесного» света, солнца и священного огня, отголоски дохристианских обрядов и поверий. Следы древних образов, поверий и обычаев В. Байдин обнаруживает и в сказках, появившихся в средневековье. Так, явственные отголоски древнерусской свето-огненной религии сохранились в средневековом сказании о жар-птице и Василесе-царевне. Праславянские верования в посмертное переселение души есть в притче о добре и зле «Крошечка-хаврошечка». В средневековых сказках нашло отражение противостояние между предхристианской верой и верой христианской. Лесных отшельников и отшельниц, хранителей сокровенных знаний о мире, человеке и смысле бытия, знахарей и врачевательниц обличали в колдовстве (происходит от *колодей*, знаток «солнечного коло»), называли «ведьмами» (от *ведунья* «ведущая»), «чародеями», «ворожеями». В христианскую эпоху развенчанию подвергся образ «Ягой бабы», связанный с женскими таинствами продолжения рода. О примирении на Руси старой и новой веры, по мнению автора, говорит «Сказка о серебряном блюдечке и наливном яблочке», вероятнее всего возникшая в старообрядческой среде, уже после Раскола. К старообрядческому иносказанию относится притча «Мудрая жена», где сам образ мудрой жены означает древлеправославную веру, гонимую властителями после Раскола. Разбирая древние иносказания, загадочную символику мудрых притч разных времен — от праславянской эпохи и средневековья до богомильских сочинений и «потаенных» сказаний старообрядцев, свою задачу В. Байдин видит в том, чтобы помочь в постижении глубинных смыслов, на которых десятки веков строилась русская жизнь. А смыслы эти: общие вера и труд, защита от многоликого зла, преображение человека в подвиге, обретение силы духа, любви и счастья. В петровскую эпоху, констатирует автор, великое сказочное наследие было отринуто высшими сословиями. Лишь в 1780 году В. Левшин и М. Чулков, пусть и с многочисленными ошибками, издали первый сборник русских сказок. В следующем столетии их собирание продолжили неутомимые исследователи старины. Резко отрицательно относится В. Байдин к считающемуся классическим трехтомнику «Русские народные сказки», изданному А. Афанасьевым в 1855–1863 годах. По его мнению, трехтомник изобилует искажениями и ошибками, кроме того, в него включены тюремные анекдоты, «солдатские байки», «побасенки» опустившихся людей, которые нельзя считать сказками русского народа. Нельзя включать в число народных сказок и «Русские заветные сказки», отмеченные крайней непристойностью. Есть вклад в спор о ненормативной лексике: в древнерусском и средневековом обществе употребление «бесстудных слов» было строго обусловлено мужскими обычаями военной «брани» либо женски-

ми тайными родовыми обрядами. Запреты на «лай матерный» и «соромные сказы» отрицала лишь «голь перекатная» — спившиеся бродяги и богохульники (еретики). Истинная народная сказочная словесность, утверждает исследователь, — это поток захватывающих поэтических образов, глубоких и мудрых иносказаний. Книгу можно рассматривать как дополнение к получившему известность исследованию В. Байдина «Древнерусское предхристианство».

Артур Винклер. Немецкая Ганза в России. СПб.: Евразия, 2020. — 224 с. — Серия: Parvus Libellus.

Опасности, подстерегавшие средневековых торговцев на севере и востоке Балтики, заставили немецких купцов сплотиться ради защиты общих интересов и заключить в середине XII века договор, положивший начало союзу городов под именем Немецкой Ганзы. В 1262 году купцы города Любека заключили мир с Новгородом, Хольмгардом или Гардарикой скандинавских сказаний, договорившись о том, чтобы «немцам гостити в Новгороде без пакости». Немецкий историк-медиевист Артур Винклер подробно рассказывает о «рождении» и становлении Ганзы, о деятельности ганзейских торговцев в России с момента установления торговых связей в XII веке до конца существования ганзейского союза. В деталях о Новгороде: политическое, экономическое, общественное устройство, организация торговли, деловая жизнь, договора между Новгородом и купцами-иноземцами. Особое внимание уделено судьбе немецкой торговой фактории в Великом Новгороде, так называемого двора Святого Петра, главного центра торговли с Россией для ганзейских купцов: устройство и функционирование, договора, законы, повседневная жизнь, история строений. «Звезда» торгового Новгорода и немецкой фактории закатилась, когда в конце XV века Иван III мечом и дипломатией утвердил свою наследственную власть над Новгородом, готовым принять подданство Казимира, короля Польши и великого князя Литовского. Удивительно, но русско-немецкие отношения допетровской поры практически не знали крупных военных конфликтов, основу отношений двух народов составляли мирные торговые дела. Столкновение между Новгородским княжеством и Ливонским орденом А. Винклер оценивает как сравнительно небольшое, значение побед Александра Невского высветилось спустя много веков. Но отношения русских и немецких торговцев идиллическими не были. Обе стороны выдвигали друг другу массу претензий и обвинений: некачественные товары, подделки, обманы. Драматические конфликты сотрясали Ганзу на протяжении всей ее истории. В ганзейском союзе не раз обострялись противоречия между городами, и Любек, главный город Ганзы, зачастую проводил вполне самостоятельную политику. Не раз противостояли лифляндские и германские ганзейские города, пользуясь своим географическим положением, Рига, Ревель и Дерпт стремились занять монопольное положение в торговле с Россией. В торговлю, вызывая недовольство купцов, вмешивались рыцарские ордена. На торговлю пагубно влияли постоянные смуты немецких феодалов, новгородцев, распри между немецкими рыцарскими орденами и русскими князьями. Разворачивалась борьба и на европейском рынке: ганзейцы не пускали на русский рынок датчан, голландцев, англичан. Отстаивая свои экономические и политические интересы, противоборствующие стороны вводили запреты, объявляли торговую блокаду. Как правило, торговцы с обеих сторон находили лазейки, чтобы продолжить выгодную торговлю. А. Винклер пишет не только историю Немецкой Ганзы в России, но историю целого региона, значительную часть которого представляет Лифляндия. Простой торговец прокладывал путь священникам и рыцарям. Немцы, едва ступив на лифляндскую землю, начинали обращать язычников, возводить крепости, чтобы установить свой контроль над занятой территорией. Крестовые походы в Лифляндию официально приравнивались Католической церковью к походам в Святую землю. Торговые отношения неразрыв-

но связывали средневековые Любек, Новгород, Ригу. Разгром Тевтонского ордена в 1410 году при Танненберге, по мнению автора, настолько укрепил самоуверенность русских, что новгородцы так далеко зашли «в своем высокомерии», что потребовали от скандинавского короля Эрика VII вернуть все земли, когда-либо принадлежавшие русским. Есть и поучительные примеры истории. В 1494 году в Ревеле по приговору ревельского суда казнили двух русских — одного за противоестественные наклонности, второго — за чеканку фальшивой монеты. Приговоры были вынесены в полном соответствии с правом средневекового города судить лиц, находившихся на его территории, по своим законам. Но великий князь Иван III, выступая в защиту русских в Прибалтике, распорядился закрыть ганзейский двор в Новгороде. 49 купцов из городов Ганзы были арестованы, а их товары на сумму 96 тысяч марок конфискованы. В ответ в Ревеле и Риге арестовали находившихся там новгородских купцов с товарами. Восстановление нормальных отношений российская сторона увязала с целым рядом требований: улучшить положение русских церквей и жителей русских концов в прибалтийских городах, выдать ревельских судей. Переговоры закончились безрезультатно, и после их окончания Россия нанесла еще один удар Ганзе, запретив ввоз соли в русские города. Затяжной конфликт Русского государства с Ганзой длился 20 лет. Ганзейский двор в Новгороде открылся вновь лишь в мае 1514 года, и это было уже начало заката ганзейской торговли в России: первый русский самодержец из рода Рюриковичей разорвал все договоры, существовавшие с 1199 года. А. Винглер вскрывает и подоплеку конфликта: Иван III искал союза с датчанами. И те выдвинули условие: изгнать немцев из Новгорода и с российского рынка в целом. Впервые именно тогда европейские князья назвали московского государя Ивана III «царем». Свои интересы и интересы своих подданных в Прибалтике «дерзко», по мысли автора, отстаивали, проводя самостоятельную активную политику на европейской арене и последующие правители: от Василия III до Петра I. Окончательный закат Ганзы произошел в XVII столетии, причин было много: изгнание немцев из Новгорода, конец монопольной ганзейской торговли на северо-западе Европы, открытия Васко да Гамы и Христофора Колумба, после чего мировая торговля оказалась в руках испанцев и португальцев, англичан и голландцев. На русский рынок пришли голландцы, англичане, датчане. Книга написана в конце XIX века на основе тщательного изучения ганзейских архивов, интереснейших подробностей, деталей, «уроков истории» — множество. XXI век на дворе, проблемы те же.

Татьяна Таирова-Яковлева. Между Речью Посполитой и Россией.

Правобережная Украина в эпоху гайдамаков. СПб.: Нестор-История, 2020. — 296 с.: ил.

Иллюзии, мифы, реальность истории Украины в повествовании историка Татьяны Таировой-Яковлевой. Время действия — XVIII век, место — Правобережная и Левобережная Украина, Речь Посполитая, Россия. К XVIII веку заброшенные со времен татаро-монгольского ига приднепровские земли заселили сильные, предприимчивые люди: беглые крестьяне, казаки. С конца XVI века и почти весь XVIII век история этих земель — история жесткого противостояния поляков и казаков: переходящие победы, опустошение территорий, уничтожение населения. По условиям вечного мира 1686 года Правобережье осталось за Польшей, провальный Прутский поход 1710 года помешал Петру I воссоединить расколотые земли. Граница была не определена, и казаки свободно ее пересекали. В результате нерешенных конфликтов местного православного населения с польской шляхтой и католическим духовенством на Правобережной Украине и в Диком поле появились гайдамаки — разбойники или, по самоопределению, вольные казаки. Повстанцы нападали на польскую шляхту, турецких чиновников, бесарабских бояр, захватывали замки, города и целые регионы, ходили в походы с запо-

рожцами. Череда гайдамацких восстаний (1734, 1750, 1754) завершилась в 1768 году их апогеем — Колиивщиной, и это было уже не нападение отдельных ватаг, а массовый подъем населения — от крестьян и печников до надворных казаков, находившихся на службе у польского государства. В защиту единоверцев выступили запорожские казаки. Движение не было однозначным, гайдамаки всегда имели две составляющие: грабительскую и идейную. Т. Таирова-Яковлева подробно излагает ход событий, но в первую очередь ее интересуют движущие силы и идеи. Она пишет об иллюзиях гайдамаков, идеалом для которых оставались свобода казацкая и вера старинная. Колиивщину она расценивает как очередной всплеск надежды вернуться к казацким временам и романтической Гетмановщине, воспетой в думах, обоготворенной и идеализированной народом. Мечтая об объединении Украины, восставшие надеялись на помощь императрицы, верили в ее специальный «указ», «Золотую грамоту» с призывом к восстанию. Автор воссоздает реалии политики Екатерины II по отношению к Украине. В Малой России императрицу интересовали лишь доходы в казну и возможность заселения огромных южных территорий, Правобережье вообще не интересовало. Екатерина и ее руководители внешней политики воспринимали Правобережную Украину сугубо цинично, как территорию Польши, и не испытывали искренних чувств к единоверцам. Екатерина не видела особой разницы между православием и протестантством, но и католицизм не любила. Были и ряд субъективных причин, по которым Украину она не любила. Интерес к Правобережью возник в связи с желанием вмешаться в политику Речи Посполитой после поддержанного Россией избрания королем Польши Станислава Понятовского, бывшего фаворита Екатерины. Оружием влияния должны были стать «диссидентов», православные верующие и греко-католики. Чтобы обеспечить лояльность «диссидентов», российские политики «продавили» принятие сеймом Акта, содержавшего «вольности греков ориентальных, иезуитов и диссидентов». Реакция шляхты на незначительные уступки православным стала неожиданной. Была создана Барская конфедерация, чьи отряды рассыпались по Украине, зверски расправляясь с православными, в первую очередь со священниками. Ответом явилось гайдамацкое восстание Колиивщина. Для подавления восстания по просьбе польского короля Россия ввела войска. Возглавивший войска генерал П. Кречетников имел четкие указания: так называемых «запоросцев», под именем гайдамаки «благосклонно уговаривать и обращать в дома их». Т. Таирова-Яковлева отмечает, что русские военачальник и офицеры, находившиеся на Правобережье, сочувственно относились к восставшим единоверцам, указ выполняли, действовали «ласково». Ситуация изменилась после инцидента в местечке Балте в «турецкой области»: преследуя конфедератов, гайдамаки вступили в вооруженный конфликт с турками, были погибшие с турецкой стороны. Двор в Петербурге охватила паника: русское правительство считало себя неготовым к войне с Портой. Указ Екатерины гласил: виновных схватить и наказать под Балтой на глазах турок. Т. Таирова-Яковлева развенчивает многие мифы, возникшие вокруг Колиивщины: о том, что все гайдамаки — бандиты, что восстание организовала Екатерина, что судьба лидеров Колиивщины была ужасна. Ужасной была расправа над гайдамаками, переданными Польше, — сдирали кожу с живых. Запорожцев и крестьян с Левобережья как русских подданных судила киевская губернская канцелярия: на допросах пыток к ним не применяли, из-за бюрократических проволочек наказание кнутом не состоялось, так как турки объявили войну. Казнь у Балты утратила актуальность, часть виновных отправили в Сибирь, часть на войну с турками. Т. Таирова-Яковлева прослеживает судьбу колодников: кто-то стал сибирским казаком (остроги нуждались в военных), кто-то впоследствии перешел к Пугачеву. В книге есть и герои. Это и боевой генерал П. Румянцев, направленный на Украину после «добровольной» отставки К. Разумовского и хорошо ориентировавшийся в реалиях Правобережья. Он первый вслух заявил о возможности присоединения Правобережной Украины к России под предлогом защиты православного населения. Среди героев книги религиоз-

ные деятели — епископ Переяславский и Борисопольский Гервасий Линцевский и его союзник Мельхиседек Значко-Яворский, игумен правобережного Мотронинского монастыря. Их усилия по восстановлению православной церкви в Правобережье вызвали массовый переход священников и населения из унии в православие и привели к жесточайшей религиозной войне: шляхтичи насмерть забивали православных церковнослужителей. Именно православными монахами Мотронинского монастыря в союзе со священниками Чигиринского староства и запорожцами была задумана и изготовлена «Золотая грамота» «Екатерины». И именно в районе Мотронинского монастыря весной 1768 года началось восстание. Среди героев книги и предводители восстания, запорожские казаки Максим Железняк и Игнатий Гонга. Колиивщина спровоцировала русско-турецкую войну, раздел Речи Посполитой и передел политической карты Европы. За этим последовала ликвидация Запорожской Сечи и автономии Украинского гетманства.

Николай Всеволожский. Путешествие из Москвы в Крым и Одессу, совершенное в 1836 году / Вступ. ст. Э. Петровой, Т. Прохоровой; подгот. текста, коммент., указ. Э. Петровой, Т. Прохоровой, О. Широкова. Феодосия: Коктебель; Симферополь: Н. Орианда, 2020. — 168 с. (Раритет; вып. 2).

Николай Сергеевич Всеволожский (1772–1857) — человек яркой судьбы. В четырнадцать лет поступил на службу в Семеновский лейб-гвардии полк, участвовал в военных кампаниях, был награжден орденом Святого Георгия IV степени. Обласканный Екатериной II, при Павле I оказался в опале — в возрасте 24 лет был уволен со службы, при Александре I возвращен к делам государственным, но гражданским. Служил в Коллегии иностранных дел, участвовал в управлении московским отделением Медико-хирургической академии. В 1809 году основал в Москве типографию, почти десять лет сам вел дела, при нем в типографии было напечатано 128 книг, среди которых его труд «Историко-географический словарь Российской империи». Уйдя в отставку с должности тверского гражданского губернатора, вернулся в Москву и посвятил себя литературной деятельности. В 1836 году совершил путешествие, о котором «бредил» с 15 лет. К путешествию был готов: хорошо знал историю и культуру разных народов, сочинения античных и средневековых авторов, античную мифологию, литературу нового времени. Во время путешествия вел записи. Спустя два года издал двухтомник: «Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836–1837 годах» (1839). Эта книга в свое время стала бестселлером: сочинения путешественников — своеобразный жанр литературы, в свое время очень востребованный, — входил в обязательный круг чтения образованных людей. Книга давно стала библиографической редкостью. Настоящее издание возвращает современным читателям ту часть книги, что посвящена вояжу Н. Всеволожского по России — от Москвы до Одессы, совершенному с 17 апреля по 21 мая 1836 года. Лаконичные и меткие характеристики дает он провинциальным городам, через которые следует: Подольск, Серпухов, Тула, Мценск, Орел, Курск, Белгород, Харьков... Через Перекоп он направился в Симферополь, а далее — полуденный берег Крыма, которому и посвящена значительная часть «Путешествия». Из Алушты Н. Всеволожский едет в Кучук-Ламбат, в «богатое поместье приятеля моего, сенатора А. М. Бороздина». Посещает Артек, Гурзуф, Ай-Даниль, Никиту, Магарач и Массандру. Некоторое время пробыл в Ялте. Длительную остановку сделал в непрезентабельной деревеньке Кореиз, в имении любимой своей сестры А. Голицыной, с которой не виделся почти десять лет. А. Голицына, искренне увлеченная мистическим течением в протестантизме — пиетизмом, с большой группой миссионеров выехала из Петербурга весной 1824 года после запрета Алек-

сандром I тайных обществ мистического толка. И сразу начала благоустраивать местность. Остановившись у сестры, Всеволожский путешествует по окрестным местам: посещает владения князя А. Голицына в Гаспре, Ореанду графа Витта, дачу А. Нарышкина в Мисхоре, дворец графа М. Воронцова в Алушке, Симеиз, принадлежавший князю В. Мещерскому и И. Мальцову. Н. Всеволожский вращался в высшем свете Петербурга и Москвы, у него был широчайший круг знакомых, в Крыму он встречался с давними знакомыми, заводил новых и дает яркие портреты своих знакомцев. Он осматривал достопримечательности, благоустроенные поместья, дачи, дворцы — Крым уже вполне обжит русскими. Рассказывает о достопримечательностях, о нравах местных жителей; об особенностях их поведения, развлечениях. Прозорливо предсказывает будущее. «Ялта ныне — городок. В нем довольно спокойная пристань, и пароходы, летающие из Одессы в Керчь, а из Керчи в Одессу, еженедельно и постоянно заходят сюда, отчего местечко становится день от дня важнее и полезнее для всего полуденного берега. Здесь уже начинают строиться хорошие дома, заводятся гостиницы, трактиры, лавки с товарами умножаются, и уже есть много складочных амбаров. Ялта, без сомнения, в скором времени будет значительный и богатый городок. Прекрасная долина ее изобильна всем и обрисована природою с пленительным кокетством». Он высоко оценил виноградники Алуштинской долины и перспективы крымского виноделия. «Вина полуденного берега Крыма, выделанные из спелого винограда, искусно обработанные, сохраненные в хороших погребах и отправленные в удобное время, ничем не уступят добрым столовым винам в Европе». Был уверен, что в России скоро привыкнут к вкусу крымских вин, начнут предпочитать их иностранным и виноделие станет приносить помещикам значительные доходы, возмущался, что крымские помещики «величают их чужими именами». Художественные описания природы, архитектуры, философские рассуждения сочетаются с историческими интересами автора. Он размышляет о бессмертной славе запорожских казаков и украинцев, о их нелегком пути к старым родичам и единоверцам — россиянам. Делает этнографические зарисовки, обнаруживает два рода татар, различных между собой — горных, что перемешались с древними народами, готами и греками, и степных, происходящих от монголов, пришедших в Европу с Батыем. Как истинный патриот, завоевание и присоединение Крымского полуострова к России расценивает как одно из величайших благодеяний Екатерины II: «не только пристани важны, но и невозможность для могущественного государства терпеть соседей, которые влетали в пределы России, жгли села, города наши, грабили, убивали мирных жителей пограничных губерний и уводили жен и младенцев в плен». В конце крымского вояжа он заключает: «Крым сам собою и в политическом отношении — страна, необходимая для России. Во-первых, это ключ Азовского моря, он держит под своею властью всю торговлю Таганрога, Тамана и части полуденной России. Во-вторых, гавани его бесценны для нас, и в одной из них весь Черноморский флот помещается безопасно и утверждает за нами владычество Черного моря... Полуденный берег, эта Италия России, заключает в себе все, что может усладить жизнь и доставить спокойствие человеку». Публикаторы текст Н. Всеволожского характеризуют так: «...наполненные самыми разнообразными сведениями, духом времени и субъективными авторскими переживаниями, они открывают перед читателем огромный, порой мало или даже вовсе неизвестный мир иной природы, иных людей, и красоту созданных ими и их предками творений».

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06, www.lavkapisateley.spb.ru)